

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

КАЛИНИНГРАДЦЫ: «ОСОБЫЙ» СОЦИУМ И ЕГО ЖИЗНЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ

Ольга Ивановна Вендина (vendina@igras.ru)

Антон Алексеевич Гриценко (antgritsenko@igras.ru)

Институт географии РАН, Москва, Россия

Цитирование: Вендина О.И., Гриценко А.А. (2023) Калининградцы: «особый» социум и его жизненные принципы. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(4): 63–106. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.4.3>. EDN: XITDVH

Аннотация. Предпринята попытка критического переосмысления представлений о калининградском социуме как «особом» социокультурном феномене, возникшем под влиянием эксклавного положения региона, соседства со странами ЕС и активных трансграничных контактов населения. Опираясь на культурно-ценностную парадигму и смешанные методы социальных исследований: портретный ценностной опросник Шварца, фокус-группы и структурированные интервью, авторы предлагают типологию населения Калининградской области в зависимости от разделяемых людьми ценностных представлений и моделей поведения. Показано, что особенности системы ценностей калининградцев детерминированы не столько спецификой геополитического положения и влиянием европейских стран, сколько межпоколенческими различиями, локальным средовым контекстом и советским наследием. Особое внимание уделено сопоставлению портрета калининградцев, полученного на основании данных опросника Шварца, и их саморепрезентации, а также роли образов россиян и европейцев в самооценке и формировании представлений о самих себе. Авторы приходят к выводу о сложности и внутренней противоречивости устройства калининградского социума, объединенного идеей «особости», но разделенного в силу эрозии социально-нормативных представлений, фокусирования на личных интересах, персональной фрустрации и социальных барьеров, связанных с неравномерностью территориального развития и дефицитом ресурсов самореализации. Гипотеза о трансграничных влияниях находит лишь частичное подтверждение, отражая разнонаправленные социальные процессы, затрагивающие регион.

Ключевые слова: Калининградская область, портретный ценностной опросник Шварца, поведенческие установки, типология, межпоколенческий сдвиг, саморепрезентация, локальный контекст.

Систематические исследования, проводимые в Калининградской области историками, демографами, социологами и географами, сформировали обширный массив публикаций, посвященных описанию регионального социума, анализу происходящих демографических сдвигов, изменений мировоззрения и привычек. При всех различиях используемых подходов авторов этих работ объединяет отношение к региону как особому феномену и стремление найти аналогии, позволяющие вписать наблюдаемые процессы в определенную концептуальную рамку. Одним из примеров такой концептуализации является переход от нарратива самобытности калининградцев к теории этногенеза и использованию этносоциальной терминологии (Андрейчук, Гаврилина 2011; Мартынова 2014; Шахов 2017), другим — обращение к центр-периферийной парадигме. В социально-экономическом и географическом контекстах Калининградская область рассматривается как «двойная периферия» (Смородинская 2001; Пилясов 2004; Артоболевский 2009; Федоров 2010), а в цивилизационном и культурологическом — как «двоемирие», зона гибридизации и соперничества российской и европейской ценностных систем (Калашников, Будилов 2019; Кантор 2004; Гаврилина 2013; ЦИРКОН 2017). Третий пример связан с концепцией фронта, которая, помимо воли исследователей, формирует взгляд на регион как пространство «нарушения правил», неопределенности и конфликтов (Задорин 2018; ЦИРКОН 2017). Нам хотелось бы избежать фокусирования на особенности Калининградской области и рассмотреть калининградский социум как срез российского общества. Выбранная оптика не означает, что мы отрицаем специфику региона и хотим доказать, что здесь «всё, как везде». Напротив, мы стремимся к более полному учету локального контекста и его влияния на социальную и эмоциональную атмосферу жизни в регионе. Наша задача состоит в том, чтобы, основываясь на анализе жизненных принципов, определяющих поведение и представления калининградцев, показать неоднородность калининградского социума, оценить влияние наиболее распространенных мировоззренческих схем, позволяющих людям осмысливать окружающую реальность. В своей работе мы опирались на методики и результаты многолетних исследований социальной и культурно-ценностной структуры современного российского общества, включая международные сравнения.

Теоретико-методологический аппарат исследования

Важность исследования ценностей для понимания и объяснения социальных феноменов ни у кого не вызывает сомнений. Больших

расхождений нет и в определении ценностей как абстрактных идеалов, которыми человек руководствуется в своей жизни (Rokeach 1973). Ценности характеризуются устойчивостью, преемственностью и тесно соприкасаются с социальными нормами, убеждениями, аффектами, могут быть индивидуальными и социальными, служат критериями оценки хорошего и плохого, правильного и неправильного (Rokeach 1979; Schwartz 1992). Консенсус в отношении ценностей обеспечивает единство социума, препятствует его избыточной дифференциации, укрепляет фундамент коллективной идентичности и упорядочивает социальные отношения (Парсонс 2002). Роль ценностей, малозаметная в текучке повседневной жизни, становится ключевой в ситуации конфликта и при принятии решений, влекущих за собой значимые последствия (McClelland 1985; Kristiansen, Hotte 1996; Schwartz 1996; Bardi, Schwartz 2003). Хотя вывод об универсальной природе ценностей можно считать доказанным, для понимания конкретных побуждений и мотивов поведения людей общих положений оказывается недостаточно. Необходимо учитывать множественность и вариативность смыслов, определяющих содержание ценностей, да и самого этого понятия (Rohan 2000), изменчивость ценностных приоритетов, их зависимость от условий жизни и культурных предписаний. Хороший пример — исследование, посвященное мировоззрению советского человека (Левада 1993; Юрчак 2021), его воспроизведению в постсоветских условиях (Гудков 2009; Левада 1995) и уходу с исторической арены (Гества 2018; Радаев 2018; Титков 2019).

Разрешение противоречия между теоретическими постулатами, приписываемыми ценностям значение руководящих жизненных принципов, и эмпирически установленным отсутствием однозначной связи между ценностями и мотивами действий стало одной из важнейших научных задач социологии и социальной психологии конца XX — начала XXI в. Социологи, опираясь на представление об обстоятельствах жизни как внешней силе, опосредующей индивидуальный выбор, показали, что ключевая роль в этом процессе принадлежит соображениям широко понимаемой экзистенциальной безопасности (Inglehart 1997; Инглхарт 2018; Инглхарт, Вельцель 2011; Welzel 2013). По мере роста благосостояния общества и смены поколений, жизнь которых была подчинена императиву выживания, на поколения, принимающие свое благополучие как должное, происходит сдвиг ценностных приоритетов от материалистических к постматериалистическим — самореализации, правам человека, экологии. Данная закономерность была подтверждена международными сравнениями, что позволило объяснять и предсказывать стратегии

поведения людей исходя из социоэкономических параметров развития обществ. Другая влиятельная социологическая концепция отталкивалась от аргументов культуры, рассматривая ее как своего рода «программное обеспечение», формирующее коллективное мышление. Г. Хофстед и его коллеги предложили оригинальную методику измерения социокультурных различий, проверив на обширном материале гипотезу о наличии универсальных культурно-ценностных оппозиций и предложив классификацию обществ в зависимости от выраженности таких признаков, как значительная/малая дистанция власти; индивидуализм/коллективизм; маскулинность/фемининность моделей поведения; гедонизм/самоограничения; избегание/приемлемость неопределенности; долгосрочные/краткосрочные стратегические ориентации (Hofstede 1980; 1991; Hofstede, Hofstede 2005). Предпринимались и попытки объединить оба подхода, но единого инструментария выработано не было (Nazir et al. 2009; Beugelsdijk, Welzel 2018).

Специалисты в сфере социальной психологии, в отличие от социологов, акцентировали внимание на внутренних факторах, описывая структурные различия обществ через различие ценностных установок индивидов. Работы М. Рокича заложили представление о базовых и инструментальных ценностях и их фундаментальной роли в формировании структуры общества. Согласно Рокичу, вариативность ценностных приоритетов и как следствие возникающих на их основе ценностных иерархий определяет специфику социумов. Ш. Шварц переосмыслил эту идею, указав на принципиальное различие взаимосвязанных понятий «структура» и «иерархия»: структура относится к универсальным характеристикам любых ценностных систем, тогда как иерархия отражает порядок ценностных приоритетов, варьирующий от социума к социуму (Schwartz 1992). Согласно Шварцу, ценности не существуют «по отдельности», а образуют внутренне структурированный мотивационный континуум, изображаемый им в форме круга как символа диалектического единства противоположностей (Schwartz 1992; 1994; 1996). Внешний контур этого циркумплекса составляет дихотомия ценностей индивидуального и социального уровней, в которую встроена система координат, формируемая биполярными осями: «Сохранение — Изменения» и «Самоутверждение — Самопреодоление». Каждый из образуемых секторов, включает в себя определенный набор базовых ценностных ориентиров. Чем ближе ценности располагаются в круге Шварца, тем более совместимыми они являются, диаметральное положение, напротив, указывает на отношения конфликта (Schwartz 2011; Sagiv, Schwartz 2022). Опираясь на выработанную теорию, Шварц предложил относительно простую методику изме-

рения ценностей, валидность которой неоднократно проверялась в ходе массовых опросов, в том числе на российском материале¹.

Фактически, следуя другим путем, Шварц также пришел к выделению ценностных оппозиций, позволяющих обобщать информацию и проводить кросс-культурные сравнения (Schwartz 1999). Хотя доказать идентичность результатов, полученных с помощью методов социологии и социальной психологии не удалось (Fisher et al. 2010; Fischer, Schwartz 2011), стало ясно, что их сходство обусловлено универсальностью требований человеческого бытия, а различие — спецификой социокультурного контекста, поскольку каждое общество имеет «свои» приоритеты и дает «свои» ответы на схожие проблемы (Davidov, Schmidt, Schwartz 2008; Fischer, Schwartz 2011). Поиск баланса между общим и особенным, универсальным и национально-специфическим способствовал переключению внимания с вопросов дифференциации ценностей на вопросы дифференциации социумов и с параметризации ценностей как абстрактных предикторов вероятного поведения к параметризации поведения как отражения вариативности ценностных смыслов и многообразия их сочетаний.

Хотя описанная теоретическая рамка в полной мере соответствует задаче изучения «устройства» калининградского социума, мы испытывали большие сомнения в правомерности ее использования на региональном уровне. Несмотря на все своеобразие, население Калининградской области несомненно принадлежит российскому культурному континууму (Мартынова и др. 2022; Задорин 2018; Кузнецов 2017). Как и большинство россиян, калининградцы отдают предпочтение ценностям стабильности, безопасности и защиты со стороны сильного государства, в большей мере, нежели европейцы, поддерживают иерархические принципы устройства общества, ориентируясь на власть и богатство, и менее привержены ценностям универсализма, гедонизма и креативности (Латова 2016; Магун, Руднев 2008; Магун, Руднев 2021). Тем не менее мы решились на этот эксперимент, поставив перед собой задачу проверить следующие гипотезы:

- Калининградская область как эксклав РФ является законсервированным «осколком» советского общества; здесь по-прежнему значимую роль играет советское мировоззрение и доминирует тип советского человека;
- Калининградская область находится в окружении стран ЕС и в силу частоты зарубежных поездок и интенсивности кросс-культурных

¹ Данные всех проведенных исследований находятся в открытом доступе на сайтах Европейского социального исследования: <https://www.europeansocialsurvey.org/>, а также: <http://www.ess-ru.ru/>.

контактов населения подвержена значимым трансграничным влияниям; ценностные представления калининградцев значительно ближе европейским соседям, нежели «далеким» россиянам;

- лиминальное положение Калининградской области вынуждает ее жителей ориентироваться на разные системы ценностей; здесь сформировался особый тип «человека границы», который чувствует себя «дома» по обе стороны от нее, извлекает выгоду из этой ситуации и склонен переступить через общественно одобряемые нормы и правила;
- несмотря на особенности географического положения, трансграничные и кросс-культурные контакты, мировоззрение калининградцев формируется под влиянием локального средового контекста, а представления об особости калининградского социума выполняют компенсаторные функции, смягчая фрустрацию от негативного сравнения собственного уровня жизни с достигнутым в соседних европейских странах.

Приступая к исследованию, мы остановили выбор на методике Шварца (Schwartz et al. 2001), но при этом учитывали выводы социологов, прежде всего Инглхарта и Вельцеля о динамике ценностных сдвигов и влиянии социального опыта на ценностные приоритеты.

Методика

Эмпирическое исследование в Калининградской области проводилось в два этапа. Первым шагом стал квартирный опрос местных жителей в возрасте старше 18 лет (N=1000; октябрь 2020)¹. Структура выборки соответствовала генеральной совокупности населения, ее репрезентативность обеспечивалась трехступенчатым отбором респондентов, контролировались пол, возраст, образование и особенности расселения. Анкета включала в себя несколько тематических блоков: социальное самочувствие, ценности, самоидентификация, оценка жизненных перспектив, безопасность, настроения, трансграничные практики и сравнения, удовлетворенность положением дел в регионе и своем населенном пункте. При выборе версии «Портретного ценностного опросника» Шварца предпочтение было отдано наиболее часто используемому варианту, включающему 10 базовых ценностей: *традиция, конформность, безопасность, власть, достижения, гедонизм, стимуляция, самостоятельность, благожелательность, универсализм*. Содержание каждого пункта раскрывалось с помощью портрета

¹ Опрос проводился социологическим агентством «Калининградская мониторинговая группа» (КМГ), имеющим большой опыт работы в области.

абстрактного человека, придерживающегося определенной модели поведения. Сравнивая себя с ним, респондент мог выбрать один из вариантов ответа в диапазоне от 1 — «совсем не похож на меня» до 6 — «очень похож на меня».

Важно подчеркнуть, что методика Шварца была предметом неоднократных экспериментов, в том числе было показано, что даже самая краткая версия опросника, включающая по одной портретной расшифровке для каждой базовой ценности, обеспечивает хорошую надежность результатов (Lindeman, Verkasalo 2005). Опираясь на этот опыт, мы адаптировали опросник к задачам исследования (табл. 1).

Поведенческие характеристики человека, связанные с заведомо мало-значимыми для калининградцев мотивами, были представлены в нерасщепленном виде, «ужаты» до одного портрета. Обобщение коснулось, во-первых, ценностей досовременного общества, таких как смирение, стремление не привлекать к себе внимание, следование традиционным предписаниям, и, во-вторых, ценностей постсовременности и универсализма. Содержательное описание ценностей открытости изменениям, автономии и самостоятельности, напротив, было расширено за счет внесения пункта, учитывающего приграничную специфику Калининградской области и наличие контекстуальных поведенческих особенностей, связанных с трансграничным трафиком. Таким образом, использованная нами версия опросника при сохранении принципиальной схемы включала в себя 10 базовых ценностей, детализированных с помощью 14 ценностных портретов, достаточных, с нашей точки зрения, для описания калининградского социума.

При обработке результатов опроса некачественно заполненные анкеты, содержавшие одинаковые или близкие ответы на все пункты опросника и множественные пропуски, отбраковывались. В нашем распоряжении осталось 880 анкет, которые были подвергнуты статистическому анализу. Для ценностной типологии респондентов использовался тандемный подход, сочетающий факторный (метод главных компонент) и кластерный анализ (Bock 1987; Галицкая, Галицкий 2006; Юдин 2007; Markos et al. 2019; Воронин 2010; Revelle, Garner 2023). Метод главных компонент (PCA) является описательной моделью данных и учитывает всю дисперсию корреляционной матрицы, что позволяет не только выявлять новые латентные переменные (факторы), характеризующие ценностные оппозиции — дилеммы, стоящие перед людьми в ситуации выбора, но и перейти к типологии респондентов с помощью кластерного анализа без значительных потерь первичной информации. Заметим, что вопрос об оптимальном количестве факторов, выделяемых с помощью PCA, не имеет

Таблица 1

**Портретный ценностной опросник Ш. Шварца,
модифицированный для задач исследования**

Ценностные оси	Базовые ценности	Описания (типичные портреты), предлагаемые респонденту, отражающие мотивационное содержание поведения людей, обусловленное их ценностными представлениями	
1	2	3	
Сохранение	<i>Традиционность</i> : скромность, следование обычаям, принятым в семье и обществе	Этот человек старается не привлекать к себе внимание, ему важно быть скромным, следовать традициям и обычаям, принятым в его семье или религии	
	<i>Конформизм</i> : соблюдение правил и одобряемое поведение	Для этого человека важно всегда соблюдать правила и не совершать поступков, которые люди не одобрили бы	
	Безопасность	Личная безопасность и избегание опасностей	Для этого человека важно жить в безопасности, он избегает всего, что может сулить опасность
		Безопасность общества и защита со стороны сильного государства	Для этого человека важно, чтобы государство обеспечивало безопасность во всех отношениях, было сильным и могло защитить своих граждан
Открытость изменениям	Самостоятельность	<i>Интеллектуальная автономия</i> : новые идеи, широта взглядов	Для этого человека важно предлагать новые идеи, быть творческой личностью, идти своим путем и не зависеть от других
		<i>Аффективная автономия</i> : риск, новизна, приключения	Этот человек любит приключения, ему нравится рисковать, он стремится к жизни, полной событий
	<i>Стимуляция</i> : дерзость, прагматизм и личная выгода	Этот человек всегда ищет, где лучше, он предпочитает жить сегодняшним днем и из всего извлекать выгоду	
	<i>Гедонизм</i>	Для этого человека важно хорошо проводить время, баловать себя, он всегда ищет возможности повеселиться	

Окончание таблицы 1

1	2		3
Самоутверждение	Достижения, общественное признание, успех		Для этого человека важно демонстрировать свои способности, быть успешным, чтобы окружающие знали о его достижениях
	Власть	Богатство	Для этого человека важно быть богатым, иметь много денег и дорогих вещей
		Авторитет	Для этого человека важно, чтобы его уважали, прислушивались к его мнению и делали так, как он скажет
Самопреодоление	Благожелательность	Чувство долга, честность, доверие, социальная ответственность, коллективность	Для этого человека важно делать что-то хорошее для других людей, для общества
		Забота о друзьях и близких, любовь, верность, прощение	Для этого человека важно быть верным своим друзьям, он хотел бы посвятить себя близким людям
	Универсализм: социальное равенство, гармония с природой, красота мира		Этот человек убежден, что у всех должны быть равные возможности в жизни, для него важно заботиться об окружающей среде и природе

однозначного решения. Чаще всего в качестве ограничителя используется тест «на осыпь» — графический метод, показывающий выполаживание тренда коррелированных данных, либо «правило единицы», согласно которому остаточная матрица корреляций характеризуется ростом числа случайных ошибок. Мы воспользовались более формальным «правилом единицы», но при дальнейшей группировке респондентов учли и остаточные компоненты.

Вторая волна исследования прошла летом-осенью 2021 г., ее целью была проверка и уточнение результатов полученной типологии с помощью фокус-групп (ФГ) и интервью. Особое внимание уделялось рекрутированию участников групповых дискуссий. При отсеве респондентов, отобранных с помощью стандартного метода «снежного кома», учитывались следующие критерии:

1. *Принадлежность к конкретному поколению.* Мы исходили из принятого в социологии тезиса о влиянии условий социализации на формирование жизненного кредо индивида. Была использована схема российских поколений, предложенная в работах Т. Шанина и Ю. Левады (Левада, Шанин 2005) и уточненная В. Радаевым (Радаев 2019). Она включает «мобилизационное» довоенное поколение, рожденное в 1938 г. и ранее, поколение «оттепели» (1939–1946 гг. рождения), «застоя» (1947–1967), «реформ» (1968–1981), «миллениалов» (1982–2000) и поколение «Зет», рожденных в XXI в. При рекрутировании участников ФГ приоритет был отдан представителям наиболее массовых поколений жителей Калининградской области: «застоя», «реформ» и «миллениалов»¹. Дефицит информации о самой молодой части калининградского социума компенсирован с помощью частных бесед и интервью.
2. *Длительность проживания в регионе.* Выделялись группы «старожилов» — уроженцев области или проживающих здесь не менее 25 лет, «новоселов», сменивших место жительства не более пяти лет назад, и срединная группа «адаптировавшихся».
3. *Специфика профессиональной деятельности:* работники промышленных предприятий (рабочие) и работники сферы культуры и образования (интеллигенция); «бюджетники», сидящие на зарплате, и самозанятые. Отдельную группу составили военнослужащие — отставные и действующие.
4. *Средовой контекст жизни.* Несмотря на свои небольшие размеры, Калининградская область отличается значительной пространственной неоднородностью. Практически половина ее населения проживает в региональном центре Калининграде, где сосредоточена львиная доля экономической активности. Другая важная особенность — наличие приморских курортов и военных гарнизонов, прежде всего Балтийска — базы военно-морского флота РФ. Третья особенность — выраженная поляризация между немногими очагами экономического роста и остальной территорией региона, включая широкую полосу приграничной периферии, которая, за исключением отдельных пограничных пунктов пропуска, несет на себе отпечаток депрессивности. При разработке гайда ФГ учитывались преимущества и ограничения, свойственные методу (Stewart, Shamdasani, Rook 2009; Левинсон 2009; Халявин 2016; Фоломеева 2003). Принимая во внимание высокую чувствительность респондентов к социально-политическому контексту про-

¹ В структуре опроса на долю этих трех групп пришлось 85 % респондентов.

ведения исследования и особенностям модерирования ФГ, основной акцент был сделан на использование проективных методик, позволяющих определить отношение человека к обсуждаемым темам, не прибегая к прямым вопросам. Значительная часть пунктов гайда была ориентирована на выявление разновидностей нарративной логики осмысления действительности, способов закрепления и тиражирования определенных точек зрения, влияющих на формирование «мира» калининградского социума, представлений о себе и других. Для этих целей использовались, во-первых, техники свободных ассоциаций, когда респондентам предлагалось с помощью одного эпитета определить предмет обсуждений — свой город, страну, соседние Польшу и Литву, россиян, поляков, литовцев и европейцев, местных и приезжих. Троекратное повторение процедуры стимулировало разнообразие ассоциаций и одновременно приводило к его исчерпанию. Во-вторых, для выявления мировоззренческих элементов социального контекста, использовались модификации теста семантического дифференциала Ч. Осгуда. Нас интересовала не столько количественная сторона этого метода, сколько смысловая подоплека рассматриваемых явлений. Так, при определении образа Калининградской области участникам ФГ на выбор предлагались карточки с ее медийными определениями, составляющими смысловые оппозиции, такие как «витрина России» и «задворки России», «окно в Европу» и «форточка», «открытые ворота России» и «щит страны», «Кёнигсбергская область» и «Русская Пруссии». Всего было предложено восемь пар определений, протестированных на каждой из ФГ. Возможности метода использовались также для выявления этнокультурных стереотипов, симпатий и антипатий. Респондентам предлагалось определить ключевые черты россиян, поляков и литовцев, а затем европейцев, поляков и литовцев, используя карточки, содержащие полярные характеристики человеческих качеств. В-третьих, идея кросс-культурных сравнений, лежащая в основе методики Шварца, была дополнена оценкой социокультурных дистанций между Калининградской областью и соседними регионами: респондентам предлагалось оценить степень близости/чуждости Скандинавских стран, государств Прибалтики, Польши, Германии, Белоруссии и объяснить свою точку зрения. Аналогичным образом предлагалось расположить карточки с названиями знаковых городов в зависимости от их «близости» Калининграду. В списке фигурировало 15 городов — Рио-де-Жанейро, Нью-Йорк, Страсбург, Варшава, Берлин, Вильнюс, Москва, Воронеж, Клайпеда, Минск, Севастополь и др. Выбор городов был обусловлен, с одной стороны, наличием четкого и понятного образа, вызывающего конкретные ассоциации при простом упоминании, а с другой — присутствием некоторых черт

воображаемого сходства с Калининградом, позволяющих рассуждать о социокультурной близости/удаленности. Наконец, в гайде ФГ предусматривалось время для рисуночных тестов, проявляющих спрятанные в подсознании образы россиян, калининградцев, европейцев и пр. (Гуреев 2007), и для их дальнейшего декодирования в ходе обсуждения с респондентами.

Всего было проведено 10 ФГ. В Калининграде как самом крупном городе региона прошло четыре ФГ: с бюджетниками, самозанятыми, представителями поколения реформ и миллениалами. По две ФГ состоялись в курортном Зеленоградске, который стремительно растет благодаря активному жилищному строительству и миграционному притоку населения (ФГ: старожилы и новоселы), и в приграничном с Литвой промышленном Советске, демонстрирующем скорее негативную демографическую и социально-экономическую динамику (ФГ: рабочие и местная интеллигенция). Еще одна ФГ была проведена в Нестерове — региональной «глубинке» и пункте пропуска на границе с Литвой (ФГ: местное население), а другая в Черняховске — город со времен крестоносцев и до настоящего времени является опорным пунктом военных частей (ФГ: военнослужащие). Во всех этих городах, а также в Мамоново, Гусеве, Багратионовске, Гурьевске и Янтарном прошли интервью в городских администрациях, с журналистами и местными жителями, что позволило достаточно полно охватить территорию региона (рис. 1).

На всех ФГ, кроме военнослужащих, соблюдался паритет представителя мужчин и женщин. В Калининграде ФГ прошли в оборудованной студии социологического агентства «КМГ», в других городах региона

Рис. 1. Места проведения ФГ и интервью в Калининградской области

использовались отдельные помещения в клубах, школах и библиотеках, которые были обеспечены возможностями видеотрансляции и аудио-записи. Полученные материалы в дальнейшем подверглись транскрибированию и анализу.

Калининградцы: собирательный образ

Эпитет «переселенческий» наиболее часто используется для описания калининградского социума. Это означает, что региональное население, насчитывающее сегодня более миллиона человек, включает в себя людей самого разного происхождения, взглядов и жизненного опыта, а сформировавшееся в результате миграций сообщество испытывает дефицит объединяющих ценностей (Клемешев, Федоров, Алимпиева 2003). Выходцы из разных городов и весей, калининградцы тяготеют к земляческому кругу общения, сохранению вынесенных с родины привычек, обычаев и представлений, оберегают свою семейную память (Костяшов 1996; Мартынова 2014; Задорин 2018). Вместе с тем освобождение от семейно-родственных обязательств и контроля облегчило многим переселенцам усвоение нового мировоззрения и образцов поведения, что, по мнению Р.А. Григорьевой и М.Ю. Мартыновой, способствовало успешному формированию «советского человека» именно на Калининградской земле (Григорьева, Мартынова 2017: 11; Мартынова и др. 2022). В постсоветские годы значение фактора «оторванности» еще более возросло. Затрудненность связей с «материковой» Россией и частые поездки за рубеж предопределили трансформацию жителей области уже не в «советских людей», а в «европейских россиян» или же «российских европейцев» (Алимпиева 2014; Андрейчук, Гаврилина 2011). Другой постоянно упоминаемой чертой регионального социума является независимый склад характера калининградцев и опора на самих себя (Костяшов 2018). Всем этим утверждениям противостоит рассказ о калининградском конформизме, умении приспосабливаться к обстоятельствам и следовать в «нужном русле». Столь широкий разброс мнений рассматривался нами как симптом гетерогенности и многообразия сложившихся в Калининградской области ценностных порядков, что и было подтверждено результатами факторного анализа опросных данных.

Использование PCA позволило выделить пять латентных факторов, объясняющих 67 % выборки, при доминировании двух первых практически равнозначных переменных, которые, если воспользоваться терминологией Г. Хофстеда, образуют культурно-ценностную оппозицию индивидуализма/коллективизма (табл. 2). Похоже, что данное различие ценностных ориентаций определяет суть ценностного «разлома» кали-

Таблица 2

**Факторная структура ценностных индикаторов Шварца для социума
«калининградцы» (N=880)***

Базовые ценности		Доля фактора в объясненной дисперсии, %				
		25	21	8	7	6
		Факторные нагрузки выделенных главных компонент				
		Ф1	Ф2	Ф3	Ф4	Ф5
Традиционность: скромность, следование обычаям, принятым в семье и обществе		,214	-,045	-,134	,185	,027
Конформизм: соблюдение правил и одобряемое поведение		,203	-,049	-,042	-,087	,018
Безопасность	Личная безопасность и избегание опасностей	,144	,092	-,497	,066	-,293
	Безопасность общества и защита со стороны сильного государства	,152	-,040	-,224	,283	,691
Самостоятельность	Интеллектуальная автономия: новые идеи, широта взглядов	,003	,199	,270	,516	-,214
	Аффективная автономия: риск, новизна, приключения	-,056	,245	,301	,170	,187
Стимуляция: дерзость, прагматизм и личная выгода		-,076	,193	-,122	-,030	,626
Гедонизм		,059	,229	-,179	-,244	-,242
Достижения, общественное признание, успех		,076	,253	,076	-,103	-,062
Власть	Власть — Богатство	-,011	,256	-,210	,019	-,030
	Власть — Авторитет	,156	,085	,106	-,626	,167
Благожелательность	Чувство долга, честность, доверие, социальная ответственность, коллективность	,208	-,001	,253	,001	-,145
	Забота о друзьях и близких, любовь, верность, прощение	,166	-,018	,454	-,118	,150
Универсализм: социальное равенство, гармония с природой, красота мира		,212	-,001	,034	,336	-,074

* Метод главных компонент, без вращения. Значимыми признаются факторные нагрузки $>0,20$.

нинградского социума и колебания маятника самоидентификаций между полюсами российскости и европейскости.

Первый фактор (25 % выборки) отражает приоритетность поддержания сложившегося социального порядка, ценностей преемственности и сохранения. Сочетание конформизма, социальной благожелательности, поддержания традиций¹ и одновременно принципов универсализма отсылает к советскому времени с его приоритетом коллективных интересов и уравнилельной идеологией. Второй фактор (21 %) ассоциирован с ценностями самовыражения, успеха и достижений. Хотя весьма соблазнительно его интерпретировать в духе большей открытости и «европейскости» калининградцев по сравнению с россиянами, приоритет, отдаваемый ценностям автономии, успеха и богатства, на наш взгляд, также имеет советские корни, но базируется на отрицании уравниловки. Социальное наследие советского общества включает в себя не только идеологизированные практики коллективизма, ввешуюся привычку к демонстрации административной лояльности, склонность думать одно, а делать другое, но и пассивный антисоветский протест, выразившийся в дистанцировании от любых форм коллективной жизни, признаваемой бесполезной, а также сосредоточении на обеспечении собственного благополучия, комфорта и потребления (Левада и др. 1993; Юрчак 2021; Гества 2018).

Обращают на себя внимание и малозначимые факторные нагрузки ценностей «безопасности», характерные для субкультур «коллективизма» (Ф1) и «индивидуализма» (Ф2). Получается, что вопреки дискурсу секьюритизации, который активно продвигается политическими элитами на федеральном и региональном уровнях, калининградцам свойственен низкий уровень тревожности из-за неопределенности в мире и специфики геополитического положения области. Хотя это наблюдение выглядит парадоксальным, оно подтверждается данными не только опроса, но и ФГ. В ходе групповых дискуссий их участники называли такие источники своего беспокойства, как неустойчивость экономики, рост цен, низкие доходы, миграционная политика, состояние локальной инфраструктуры, плохая погода и прочие проблемы повседневной жизни. Упомянулось и соседство со странами НАТО, но военно-стратегические угрозы фигурировали в конце списка. Можно возразить, что опрос проводился в ок-

¹ В случае Калининградской области, где значительный контингент населения составляют моряки, военнослужащие, переселенцы и мигранты, представление о поддержании традиций трудно связывать с народными обычаями и религиозными предписаниями. Скорее речь идет о советских практиках, праздниках, коллективных ритуалах и вкусах, которые успешно заместили и дополнили народную и религиозную обрядовость.

тябре 2020 г., задолго до украинского конфликта, который резко изменил ситуацию в Европе, ухудшил социально-экономические позиции Калининградской области и сказался на настроениях людей. С этим трудно не согласиться, тем не менее Шварцем было доказано, что люди, разделяющие ценности «самоутверждения», лучше справляются с тревогой, возникающей из-за политической и экономической нестабильности, их подушкой безопасности является уверенность в силе денег и своей автономии, а люди, ориентированные на «самопреодоление» и «благожелательность», в принципе меньше подвержены влиянию тревоги. Возможно, что свою роль в снижении уровня тревожности калининградцев играет и наследие советского прошлого с его уверенностью в завтрашнем дне и нарративом «непобедимой державы».

Третий фактор (8 % выборки) существенно менее информативен, чем первые два, но устроен сложнее и содержит две ценностные дилеммы. Наибольшие абсолютные значения факторных нагрузок характеризуют оппозицию заботы о благополучии близких людей и самосохранении, первое со знаком плюс, второе — минус. Иначе говоря, чем больше человек думает о своих близких, тем меньше он заботится о себе. Эта культурно-ценностная модель сопрягается с ощущением личной ответственности за происходящее в обществе в противовес внешнему социальному порядку, т.е. чем хуже работают институты социальной защиты (порядок), тем большую ответственность человек должен брать на себя. В данном контексте вполне логично выглядит и оппозиция, с одной стороны, ценностей интересной жизни и широты взглядов (плюс), а с другой — обладания и богатства (минус). Возникает ощущение, что ценностная проекция третьего фактора отражает наличие среди калининградцев группы «деятельных альтруистов». Возможна и иная интерпретация: привлекательный образ человека, жертвующего собой ради других, был сформирован советским нарративом, получил широкое распространение в кино, литературе и пропаганде и является социально одобряемым до настоящего времени. Поэтому вполне возможно, что, заполняя пункты ценностного опросника, часть респондентов могла отдавать предпочтение «правильным» моделям поведения, приписывая себе позитивно оцениваемые качества. Если это предположение соответствует действительности, то третья компонента отражает не только приверженность некоторой части калининградского социума универсалистско-альтруистичной системе ценностей, которую нередко называют «европейской», но и социальную незащищенность калининградцев, их потребность в групповой поддержке и взаимовыручке, выражаемую в ожидании альтруистического поведения со стороны других.

Четвертый фактор (7 %) противопоставляет интеллектуальную автономию и власть авторитетов, а также высокую ценность государства как гаранта безопасности (этатизм) и жизни в свое удовольствие (гедонизм). Судя по тому, что ценность общественной безопасности подкреплена идеями универсализма, равенства доступа к социальным возможностям и здоровой окружающей среде, то представления о «силе» государства и его способности защищать своих граждан ассоциируется не с военной мощью, а с социальной справедливостью. Эта точка зрения отсылает, с одной стороны, к модели государства всеобщего благосостояния европейского типа, а с другой — содержит память о советском государственном патернализме. По мере удаления от советского прошлого эти два образа постепенно сливаются в один (Пипия 2020). Таким образом, четвертый фактор описывает систему взглядов, для которой приоритетными являются интеллектуальность, отказ от подчинения авторитетам вкупе с представлениями о государстве как гаранте прав и свобод, а также неприятие гедонистических принципов жизни в свое удовольствие. Подобные установки сильно напоминают характеристику русской и затем советской интеллигенции, прежде всего поколения шестидесятников с его оптимизмом, склонностью к нестандартному мышлению, патриотичностью, верой в возможность перемен в рамках советской системы и одновременно диссидентством, социальным эскапизмом, ощущением привилегированности собственного положения, личной свободы и морального превосходства над остальными (Zubok 2009; Fitzpatrick 2009; Юрчак 2021).

Для пятого фактора — последнего из принятых нами в рассмотрение, характерны резкие контрасты ценностных приоритетов. Сверхвысокие положительные значения факторных нагрузок общественной (национальной) безопасности и ценностной стимуляции — дерзости, риска, выгоды, самостоятельности — сочетаются с резким отрицанием значимости всего того, что составляет смысл жизни большинства людей: ценностей самосохранения, интеллектуальности, гедонизма, ответственности, гармонии в семье и обществе и пр. Фактически пятый фактор описывает систему ценностей, в которой усиление значимости одного из параметров до уровня идеологических установок сопровождается стигматизацией всех остальных индивидуальных и социальных устремлений как глубоко второстепенных. Такой деформированный взгляд на жизнь, превращающий одну из базовых ценностей в абсолютную детерминанту, соединяет социальные противоположности: он свойственен как глубоко «огосударствленным» личностям, так и полностью «разгосударствленным» циникам, полагающим, что разговоры о солидарности, национальном единстве, коллективных интересах призваны скрывать «реальные» мотивы поведе-

ния. Регрессионный анализ показал, что среди первых значимую группу составляют военнослужащие, включая работников силовых структур, а среди вторых — мелкие предприниматели, самозанятые и технический персонал.

Резюмируя, можно сказать, что калининградский социум выглядит как «нормальное» сложно устроенное общество, которое вполне ожидаемо несет на себе отпечаток советского времени с его жестким противопоставлением общественного и личного. Хотя советское общество, как правило, описывалось в терминах всеобщего коллективизма, блокировавшего социальную дифференциацию, в его недрах сформировалась прослойка людей, разделяющих ценности индивидуализма, личной свободы и самостоятельности (Хархордин 2002; Юрчак 2021; Радаев 2019). Тогда это воспринималось как сопротивление идеологическому прессингу, сегодня — как логичное следствие процессов урбанизации, роста уровня образования, изменения условий и образа жизни. Несмотря на репрессивность советского режима, он реализовал многое из того, что свойственно демократическим революциям (Парсонс 1998; Fitzpatrick 2022). Двойственность советского наследия находит отражение и в системе ценностей калининградцев, отчетливо структурированной по линиям социального конформизма и самоутверждения, осторожности и дерзости. Эта оппозиция оставляет место для индивидуального альтруизма, который частью калининградцев рассматривается в качестве «правильной» жизненной позиции, хотя бы на уровне деклараций. Советское влияние проявляется и в смазанной ценностной оппозиции «сохранение/открытость изменениям». Футуристическая ориентация советской идеологии и ее борьба с «пережитками прошлого» разрешала этот конфликт в пользу модернизации. Отрицание ценности опыта предшественников исключало тему «сохранения» из официальной повестки, вытесняя вопросы исторической памяти на периферию общественного сознания в область профессионального знания и инакомыслия. В постсоветское время ситуация кардинально изменилась, слово «традиция» заняло центральное место в политическом и общественном лексиконе (Малинова 2014), однако ценности «сохранения» не смогли захватить воображение жителей Калининградской области и, как в дальнейшем показали ФГ, распространились преимущественно на охрану наследия Восточной Пруссии (Вендина и др. 2021).

От группового портрета к групповым портретам

Выявленное разнообразие ценностных комбинаций не позволяет ограничиться собирательным образом калининградцев для характеристики калининградского социума. Теоретически можно предположить, что

за каждым типом поведенческих реакций стоит «своя» группа, но, во-первых, только два первых фактора, описывающих примерно половину выборки, выглядят как внутренне непротиворечивые, остальные устроены сложнее, и с каждым из них могут быть ассоциированы кардинально различающиеся социальные типы. Во-вторых, реакции человека на возникающие проблемы зависят не только от его жизненных принципов, но и от чувствительности к воздействию внешних обстоятельств. Чтобы приблизиться к пониманию того, каким образом сочетание внешних и внутренних императивов структурирует калининградский социум, мы прибегли к кластерной типологии респондентов. В качестве переменных рассматривались индивидуальные значения факторных нагрузок, которые группировались в пространстве ценностных осей «социальные ориентации/индивидуальные ориентации». Было выделено четыре типа жителей Калининградской области (рис. 2).

Первый наиболее рыхлый кластер (16 % массива данных) включает индикаторы с самыми низкими значениями факторных нагрузок по обоим осям. Данный тип калининградцев получил условное название «циники и нигилисты». Общей чертой входящих в эту группу респондентов является скептическое отношение к любым ценностным порядкам, демонстрация своей личной независимости от общественных «условностей»,

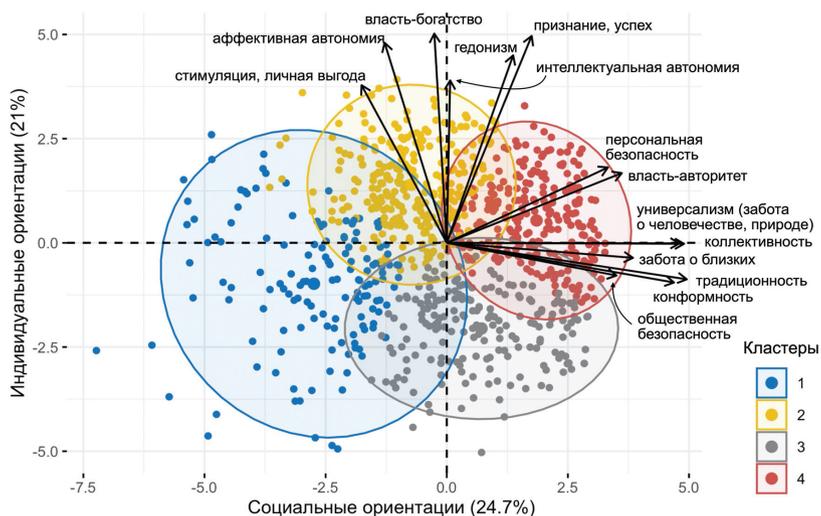

Рис. 2. Кластерная структура выборочной совокупности респондентов, описывающая ценностные типы жителей Калининградской области

отрицание сходства с людьми, разделяющими общепринятые нормы поведения. В обыденной жизни отказ признавать моральные ценности других находит выражение в презрительном отношении к обществу, дискредитации любых авторитетов и почти рефлекторных обличительно-разоблачительных высказываниях. «Правда» данной категории респондентов состоит в том, что кругом живут такие же циничные люди, готовые в любой момент предать, обмануть, отказаться от своих обещаний, не выполнить обязательства и прочее, однако, в отличие от нас, откровенных циников, они прикрывают свои корыстные и низменные интересы лицемерными словами и поступками.

Менталитет у нас такой, потому что нам все должны, все, кроме нас самих, это у всех есть. В России просто поголовно. И кто-то все время виноват. Это есть. Приучились люди уже роптать, огульно обвинять, это привычка. Куда не плюнь, сразу попадешь (Советск, ФГ: рабочие).

— Давайте смотреть правде в глаза, если бы делалось все то, на что налоги отчисляются, здесь бы у нас было бы не хуже, чем там [за границей].

***Модератор:** вот, сейчас молодой губернатор, вроде он пользуется поддержкой, вызывает симпатию, активный.*

— Нет, к нему сильное недоверие. Люди недовольны. Мало что пришел, молодой, так он ничего не соображает, он просто, понятно, пришел... ненадолго... (Калининград, ФГ: миллениалы).

В ходе ФГ описанная жизненная позиция и соответствующая ей риторика проявлялась в нескольких ситуациях: а) когда наши информанты искали аргументы для оправдания негодных средств, используемых для реализации своих эгоистических интересов; б) стремились повысить личную значимость и самооценку и в) объясняли причины гражданской пассивности местного социума. Одним из проявлений цинизма была тотальная девальвация достижений советского периода, определение всего советского как «варварства», осмеяние идеалов советского человека, предельное упрощение его образа и лишение человеческого достоинства.

Второй кластер — более компактный и значительно больший по размеру (33 %) — характеризуется преимущественно позитивными значениями по оси индивидуальных ориентаций и самоутверждения. Представители этой группы — «индивидуалисты», которые видят себя активными, самостоятельными и творческими личностями, избегающими обременения

нящих родственных и социальных связей. Их поведенческие стратегии связаны с представлениями о социальной жизни как конкурентной борьбе за распределение благ и признание.

Третий кластер (22 %) — условные «коллективисты» — противоположность второму. Самоидентификация данной категории респондентов строится скорее на отрицании ценностей гедонизма, самоутверждения, риска и независимости, нежели на позитивном утверждении значения заботы об общем благе или групповом благополучии.

Четвертый кластер (29 %) расположен в плоскости позитивных значений по обеим осям и центрирован вокруг индикаторов персональной безопасности и использования жизненных шансов. Наиболее статистически значимой чертой этой группы является сочетание самоутверждения и осторожности, соблюдения общих правил и достижения личных целей, поэтому данный тип был назван «оппортунисты».

Сопоставление кластерной типологии с описательной статистикой опросных данных позволило выявить некоторые черты выделенных типов. Прежде всего, как и предсказывает теория ценностного сдвига Инглхарта и Вельцеля (Inglehart 1971; Инглхарт, Вельцель 2011), проявилось тяготение молодых поколений к полюсу активных «индивидуалистов», а старших — «коллективистов» (табл. 3а). Хотя фактор возраста при характеристике этого сдвига нельзя сбрасывать со счетов, понятно, что поколения, выросшие в условиях материального благополучия и физической безопасности, отдадут приоритет самореализации и качеству жизни, а пережившие значительные материальные трудности военного и послевоенного времени ориентируются на ценности выживания и взаимовыручки.

Но не все так однозначно. Из таблицы также следует, что данная закономерность объясняет немного более половины выборки (табл. 3б). В случае другой половины связь опыта социализации и системы ценностей не столь очевидна. Несмотря на «молодежность» первого типа, его поколенческая структура скорее соответствует генеральной совокупности взрослого населения Калининградской области, нежели отражает ценностной сдвиг. Еще в большей мере это относится к типу «оппортунистов», что говорит об устойчивости феномена приспособленчества и его успешном воспроизведении в молодежной среде, не испытывавшей идеологического принуждения советской эпохи и материальных трудностей послевоенного времени. Более четко, нежели возраст и опыт социализации, воздействие внешних факторов на систему ценностей проявляет средовой контекст жизни респондентов. Хотя представителей каждого из ценностных типов можно встретить в любом населенном пункте, сопоставление кластерной типологии респондентов и социально-экономической —

Таблица 3

**Соотношение поколенческой и ценностной типологии
калининградского социума**

Доля кластера в выборочной совокупности респондентов	Кластеры (типы)				Доля поколения в выборке (%)
	1	2	3	4	
	16 %	33 %	22 %	29 %	
Поколения: а) % по строке					
«Зет» (2001 г. и позднее)	28	55	0	17	3
«Миллениалы» (1982–2000)	21	44	8	28	34
«Реформенное» (1968–1981)	14	37	17	33	25
«Застоя» (1947–1967)	14	20	38	28	32
«Оттепели» (1939–1946)	11	14	43	32	5
«Мобилизационное» (1938 и ранее)	0	5	70	25	2
Поколения: б) % по столбцу					
«Зет» (2001 г. и позднее)	6	6	0	2	3
Миллениалы (1982–2000)	43	45	11	32	34
«Реформенное» (1968–1981)	21	27	18	28	25
«Застоя» (1947–1967)	27	19	54	30	32
«Оттепели» (1939–1946)	4	2	10	6	5
«Мобилизационное» (1938 и ранее)	0	0	7	2	2

муниципальных образований (Вендина, Зиновьев 2022) —показывает наличие между ними отчетливой связи (табл. 4).

Таблица 4

Локализация ценностных типов калининградцев

Доля кластера в выборочной совокупности респондентов	Кластеры (типы)				Доля респондентов, представляющих тип нас. пункта
	1	2	3	4	
	16 %	33 %	22 %	29 %	
Тип населенного пункта: % по строке					
Калининград — региональная столица	17	39	19	25	47
Очаги экономического роста	14	40	25	22	15
Приморские курорты	12	64	9	15	4
Балтийск — база ВМФ России	3	6	36	56	4
Города — стагнирующие центры	28	15	25	32	15
Приграничная периферия	10	23	26	40	16

Так, умонастроения «циников и нигилистов» задают тон в городах, испытывающих дефицит развития и утрачивающих свое былое значение. Носителями негативных настроений здесь является местная молодежь (см. табл. 3), особенно чувствительная к отсутствию перспектив. Неустойчивость материального положения, неуверенность в будущем и неудовлетворенность, вызванная неблагоприятными сравнениями себя с «другими», трансформируют их скептицизм в разоблачение всех и вся, реальных и воображаемых виновников собственных неудач. Судя по данным опроса, около половины молодых представителей этой группы считают, что жизненный успех зависит от места жительства, и 38 % демонстрирует миграционные намерения. «Индивидуалисты» доминируют там, где выше уровень жизни, есть разнообразие досуга и возможностей. Эта группа особенно выделяется в курортных городах побережья, характеризующихся наибольшей открытостью локального социума. «Коллективистов» больше на региональной периферии, а также в населенных пунктах, несущих отпечаток гарнизонной жизни. «Оппортунисты» присутствуют везде, но «лицом» локального социума являются там, где люди живут в ситуации двоемыслия. Это военные городки, подчиненные служебному порядку, приграничная периферия, выживающая за счет таможни и теневого трансграничного трафика, и стагнирующие экономические центры, жители которых вынуждены «вертеться», чтобы поддерживать привычный уровень жизни. Обращает на себя внимание и репрезентативность главного города региона для описания ценностной структуры регионального социума, что указывает на отсутствие центр-периферийного контраста, который мог бы считываться как противостояние современной европеизированной «столицы» и все еще советской «провинции».

Описанные межгрупповые различия отчетливо проявляются и в самоидентификации разных групп калининградцев (табл. 5). Формулируя в анкете вопросы, касающиеся идентичности, мы исходили из представления о ее многослойности и контекстуальности, поэтому просили респондентов указать, с кем они себя ассоциируют в первую очередь, а затем во вторую и третью. Тест показал, что, например, российская идентичность, слабость которой в Калининградской области вызывала обеспокоенность на протяжении всего постсоветского времени, разделяется подавляющим большинством калининградцев, но приоритетной она является только для 41 %. Чтобы избежать искажающего эффекта приоритетного выбора, при анализе данных опроса мы ориентировались на совокупные индикаторы самоидентификации, более полно отражающие самоощущение человека.

Таблица 5

**Особенности самоидентификации калининградцев в зависимости
от выделенных ценностных типов**

Как бы вы ответили сами себе на вопрос «Кто я такой?»	Приоритет- ный выбор (% респон- дентов)	Учет множествен- ных ответов (% респонден- тов)	Отклонение от средних совокупных значений (пр.п.)*			
			Культурно- ценностные тина (кластеры)			
			1	2	3	4
Россиянин, гражданин России	41	75	-5	-3	3	4
Калининградец, житель своего региона, города, села	17	61	1	11	-10	-6
Назвал бы свою семейную роль: мать, отец, дедушка, бабушка, сын, дочь	13	34	-9	-16	7	18
Назвал бы свою профессию	2	26	1	12	-6	-11
Советский человек	9,5	22	-1	-8	12	1
Просто сказал бы «человек»	5	21	11	-10	4	1
Назвал бы свою национальность	2,5	20	-2	10	-4	-7
Гражданин мира	4	12	4	6	-6	-5
Европеец	2	6	0	2	-2	-2

* Значимыми признавались отклонения, превышающие ошибку выборки в 3 %.

Сравнение значимости идентификационных параметров для представителей каждого из культурно-ценностных типов калининградцев показало, что «циники», признавая аскриптивные формы самоопределения, связанные с гражданством, семьей, народом, местом рождения и пр., чаще, чем остальные респонденты, отдавали предпочтение такой абстрактной и ни к чему не обязывающей формуле, как «просто человек». Похоже, что и космополитичная идентичность «гражданин мира» в данном кон-

тексте отражает не универсализм убеждений, а является своего рода сопротивлением принуждению к каким бы то ни было формам коллективной принадлежности. «Оппортунисты» решают вопрос о своей идентичности противоположным образом, но не менее однозначно. Акцентируя значение семьи, они дистанцируются от всего, что выходит за круг ближних интересов, одновременно подчеркивая роль гражданства и лояльность государству. Тренды самоидентификации «индивидуалистов» и «коллективистов» во многом противоположны. Коллективисты скорее ориентированы на «большую», нежели «малую», Родину, для многих из них свое значение сохраняет и советская идентичность как символ канувшей в прошлое великой державы и духоподъемных идеалов прошедшей молодости. Индивидуалисты находятся в поиске самих себя, их идентичность можно назвать «взбаламученной» и неопределенной. Ее российская (гражданская) составляющая соперничает с этнонациональной (русской), европейской или космополитичной, а ощущение профессиональной общности с семейной принадлежностью. Эти противоречия разрешаются в пользу повышения значимости региональной самоидентификации, наделяемой качеством «особости». Похоже, что именно эта группа калининградцев создает и тиражирует нарратив о себе как европейских россиянах или российских европейцах.

Россияне или европейцы?

Этот вопрос находился в центре обсуждения всех проведенных ФГ, для его прояснения были использованы рисуночные тесты с их последующим толкованием. Хотя каждый рисунок отражал личный эмоциональный опыт, воспроизведение разными людьми одних и тех же смысловых структур обнаруживало устойчивые коллективные представления. Соседство трех персонажей — калининградца, европейца и россиянина — позволяло выявить приписываемые им типические черты и обеспечивало необходимый сравнительный контекст. Мы исходили из того, что россияне и европейцы — это не просто абстрактные фигуры, известные из истории и литературы, а хорошо знакомые жителям области персонажи, которые находятся с ними в постоянном контакте: россияне — благодаря родственникам и знакомым в других регионах страны, а также многочисленным российским туристам и мигрантам, а европейцы — благодаря частым поездкам в Польшу и Литву, приграничным обменам, сотрудничеству и связям.

Графический анализ рисунков и контент-анализ их авторских интерпретаций показал, что в первую очередь калининградцы воспринимают себя как не слишком благополучных людей, которые с неприязнью отно-

сятся к приезжим — туристам с «чемоданами денег», трудовым мигрантам из стран Средней Азии, «навязывающим свои порядки» и так называемым «казахам» — русским репатриантам из республик бывшего СССР, которых отличает «наглость, кумовство и проникновение в структуры власти». Среди жизненных неурядиц этого «усталого» человека фигурируют низкие заработки, дороговизна товаров, неподъемные цены на жилье, дефицит рабочих мест.

Перечисленные проблемы составляют обычный набор претензий жителей большинства российских регионов. Спецификой Калининградской области на этом фоне являются не сами проблемы, а противоречие между недовольством, которое вызвано дефицитом развития («заброшенностью»), и ощущением привилегированности региона, который «соседничает со странами, такими, как Литва и Польша» и где «есть море и красивейшая Куршская коса». Эксклавное положение Калининградской области, составляющие с управленческой и военно-стратегической точек зрения ее уязвимость, в глазах значительной части местного населения выглядит привилегией — льготным правом на доступ к эксклюзивным ресурсам. Представление о себе как привилегированном сообществе глубоко укоренилось в сознании людей и легло в основу диаметрально противоположного, но от этого не менее популярного образа калининградца как сибарита, живущего в свое удовольствие и отдающего предпочтение досугу.

Воспроизводимый на всех ФГ рисунок человека в шортах и панаме (рис. 3) резко контрастировал с описаниями усталого и замученного калининградца и противоречил высказываниям наших визави в частных беседах, когда одни говорили, что «моря не видят», а другие — с известной долей снобизма демонстрировали пренебрежение ресурсами побережья, в духе, «чего мы там не видели». Удивляло и полное отсутствие ассоциаций приморского региона на моряками. В советское время фигура моряка была знаковой. Хотя сами моряки никуда не делись и по-прежнему составляют видимую часть калининградского пейзажа, их героический и загадочный ареол померк. На смену ценностной доминанте риска, новизны и приключений пришел гедонизм, отдающий приоритет комфортно ничегонеделанию и хобби как необременительной программе самореализации.

Из того, что мне кажется определяющим для калининградцев и просто первым приходит в голову, это то, что можно назвать гедонизмом. Здесь люди вообще не любят работать. Работа здесь для большинства людей — это некий способ, а не цель. Чтобы обеспечить себе уровень жизни, который кажется комфортным (ФГ: Калининград, м., самозанятые).

Рис. 3. Образы калининградца и приезжего
(Зеленоградск, ФГ: «старожилы»)

Третья сюжетная линия рассказа калининградцев о себе состояла в подчеркивании деловых качеств. Калининградец — это активный, преуспевающий, погруженный в непрерывные коммуникации и ориентированный на достижения человек.

Хотя у меня калининградец в банном халате, потому что он вообще в принципе всегда на отдыхе и у него состояние более-менее расслабленное, он с телефоном. Он всегда руку на пульсе держит (Калининград, ФГ: поколение реформ).

Нарратив «делового калининградца» содержал значительную порцию иронии, что недвусмысленно указывало на имитационный характер деловых качеств, привлекательность образа бизнесмена и высокую ценность материального благосостояния в глазах значительной части местного населения. Участники ФГ подчеркивали разницу между быть и казаться, указывая на поведенческие деформации, когда ради обладания статусными предметами люди готовы идти на жесткие самоограничения, испытывать лишения, уклоняться от уплаты долгов и необходимых расходов на социальные нужды.

Калининградец? Ну, он беден. Видите, тут дождь на него падает, все хмуро, но он улыбается, типа — хорошо одет. Потому что у нас, к сожалению, в Калининграде так и есть... у нас, как сказали, средняя зарплата 20–30 тысяч, но почему-то все ходят в куртках Гучи, которые по 50 тыс. стоят. На русской машине у нас почему-то ездят, как сказать, «бедняки». Вот, у нас принято почему-то Kio Rio — это таксисты, а если у тебя старая BMW задрипанная за 200 000 рублей — это уже S-класс, представительский, и ты почему-то у нас уже крутой, как бы (Калининград, ФГ: миллениалы)

Значение, придаваемое демонстрации статуса и богатства, выразилось и в непропорционально большом внимании, которое участники ФГ уделяли одежде как визуальной характеристике человека. При этом часть респондентов подчеркивала обломовские привычки жизни в халате, другая — наплевательское отношение к мнению окружающих, а третья — желание наряжаться.

Для меня, понимаете, калининградец, как это... коренной... коренной житель, он, если кто долго живет, они друг друга знают. И... если они общаются вне работы... днем между собой, то они не стремятся как-то там нарядиться. Ну, в чем дома ходят, к примеру, в том... вот... в халате, в тапках... (Зеленоградск, ФГ: старожилы).

Она [калининградка] стильная, на ней одеты джинсики, она стройненькая, конечно, шарфик, с причесочкой... очень у нас красивые женщины и мужчины (Нестеров, ФГ: местные жители).

Девочка — это девочка! <...> Европейская одежда, потому что, мне кажется, к нам быстрее пришла вот эта мода европейская, и вот шпилечки. Несмотря на то что брусчаточка, все равно девочки все-да на шпилечках ходят (Калининград, ФГ: миллениалы).

Получается, что вопреки господству моды на унисекс, оверсайз и ЗОЖ, калининградцы продолжают подчеркивать гендерные различия, разделяют форму условно «домашней» и «уличной» одежды, а нигилистическое пренебрежение условностями смешивают с неприемлемостью суждений о человеке по его внешнему виду. О том же говорят и их впечатления от поездок в Москву, где все «плохо одеты» и «ходят в тренировочных штанах». Сочетание «шпилечек» и «брусчаточки», уже редко встречающееся в столицах, характеризует калининградцев как людей скорее про-

винциальных, отстающих от глобальной моды и установок на комфорт в одежде.

Наконец, калининградцев отличают путешествия за границу: «...у нас многие были в Европе, а люди, которые бывают в Европе и возвращаются, они все-таки меняются в какой-то степени» (Советск, ФГ: «местная интеллигенция»). Поездки, по мнению участников ФГ, способствует перенесению европейских привычек в собственный быт и европеизации социума. Однако образ «европейцев» в качестве референтной группы оказался довольно бедным. Выделялись такие его черты, как одежда, размеренная жизнь, сортировка мусора и соблюдение правил дорожного движения. Отдельное место отводилось визуальным характеристикам жизненной среды, влияющей на вкусы людей, — готическая архитектура, стриженные газоны, цветы на балконах и в палисадниках. Все эти внешние признаки обустроенной жизни калининградцы воспроизводят «у себя дома». Еще одним важным средством актуализации европейской составляющей собственной идентичности является обращение к теме регионального культурного наследия. Повышенный интерес к прошлому и стремление сохранить его материальные обломки характерны не только для Калининградской области. В последние три десятилетия сходные тренды отмечаются во всех без исключения регионах России. Общественные организации, связанные с природоохранными и краеведческими движениями, повсеместно являются наиболее массовыми и выполняют функции независимых институтов гражданского общества. Их борьба с «неправильными» инициативами власти по развитию территорий создает легитимные каналы выражения политического протеста в политически безопасных формах и одновременно способствует удовлетворению потребности человека в соучастии и приобщении к общественно-значимым событиям. Такая же картина наблюдается и в Калининградской области, где субкультура «защитников наследия» стала формой канализации регионального инакомыслия и развлечением для ищущих разнообразия. Как выразилась «фея замка» в бывшем Инстербурге (Черняховск), многие приезжают на организуемые субботники «не для того, чтобы поработать, а целенаправленно за общением, познакомиться с другими людьми... Людям скучно, они никого не знают, вот и приезжают к нам». Иначе говоря, демонстрация приверженности европеизму в его внешних проявлениях — от одежды и цветочных клумб до защиты памятников «чужой культуры» как «своей» — позволяет калининградцам утвердиться в мнении о себе как европейцах, но не обязывает их следовать европейским ценностным ориентирам:

...для меня всегда было огромным парадоксальным потрясением плотность фильтра, который стоит на границе, когда через границу можно провезти сосиску, джинсы, машину из Германии, еще чего-нибудь, но идеи, они через границу не просачиваются. Парадоксальным образом она их останавливает. Люди никогда не привозили никаких идей устройства собственного общества, хотя целыми днями все туда ездят, видят, как материализуются эти идеи, в смысле муниципального обустройства, местного самоуправления, переизбрания власти, многопартийной системы (Калининград, ФГ: поколение реформ).

Стоит ли говорить, что границы являются наименьшим препятствием для идей и что причиной идейной невосприимчивости калининградцев являются их собственные жизненные установки и ценности. Они попросту не верят ни в полезность европейской практики, которая к тому же в их глазах скомпрометирована гендерной повесткой, ни в ее применимость к реалиям собственной жизни. Калининградцы скорее прагматики, нежели идеалисты, поэтому разговор о европейском комфорте делает соседнюю Европу для них «своей», а о европейских ценностях — «чужой». Европейское соседство скорее рассматривается как пропуск в европейский супермаркет и на ярмарку развлечений, а сами европейцы — как дисциплинированные потребители социальных благ. Разрыв между потребительскими привычками и ценностными представлениями провоцирует соперничество идентичностей — россияне или граждане мира, россияне или русские, россияне или советские люди, калининградцы или бизнесмены, айтишники, военнослужащие, русские или европейцы и т.д. Особенно отчетливо эти метания проявляются в группе «активных индивидуалистов» (см. табл. 5).

Вместе с тем централизация регионального самосознания вокруг европейских практик и ретроспекций недостаточно для локализации собственной культуры в европейском контексте, необходим дополнительный инореферент. Эта роль отводится абстрактному россиянину, образ которого, в отличие от образа европейца, строится по принципу противопоставления. Если воображаемый житель Калининградской области предстает в образе девушки, которая «носит янтарные бусы... с большими глазами... ну и волосы длинные, женственность», то воображаемый россиянин — «мужчина в возрасте, с усами, работающий где-то на заводе». Калининградцы веселы и расслаблены — россияне угрюмы и напряжены, калининградец спортивен, подтянут и стильно одет — россиянин толст и выглядит нелепо. Основная форма одежды россиянина — «звезда, ушанка, вот кокарда, ну, и калашников, я не успел еще нарисовать...», в руках он «держит флаг» и «бодро шагает по жизни» (рис. 4).

Рис. 4. Типичный «европеец» и типичный «россиянин»
(Калининград, ФГ: самозанятые)

Рисунки, изображавшие россиянина как человечка с флагом или просто флаг, были столь многочисленны, что становилось ясно, что это не человек, а винтик государственной машины, лишенный индивидуальности и каких-либо свойств, кроме преданности государству. Усушенный до состояния абстракции образ россиянина оказывался образом солдата. Наши информанты несколько не смущало, что они каждый день сталкиваются со своими согражданами на улицах и при этом никто из них не ходит с флагами и в военной форме. Для всех этих людей были зарезервированы иные определения: приезжие, москвичи, туристы, из Брянска или других регионов, с Северов, земляки и пр. Таким образом, россиянин для калининградца — это пустое означающее, позволяющее подчеркивать свою отличительность, а образ солдата с флагом — способ поддерживать представления о себе как «других», «современных», «самостоятельных», «перспективных» и очень похожих на европейцев.

Заключение

Проведенный анализ показал применимость методики кросс-культурных сравнительных исследований для изучения региональных социумов. Будучи частью своей страны и представляя ее культурное единство, они в то же время являются глубоко дифференцированными по ценностным, мировоззренческим и поведенческим основаниям, отражающим различия жизненных укладов людей. Использование ценностного портретного опросника Шварца позволило выявить и отразить эту двойственность. Главной чертой, позволяющей говорить о калининградском социуме как безусловно российском, является сохраняющееся значение советского наследия. Оно проявляется, во-первых, в резком размежевании общественных и личных интересов, во-вторых, в гипертрофированной приверженности ценностям богатства, власти и личного успеха в соответствии с принципом повышенной значимости недостающего, в-третьих, в сочетании принципов конформизма и универсализма, и наконец, в наличии, пусть и на периферии, коллективного сознания, идеала альтруистического самопожертвования, братства и товарищества.

О внутренней неоднородности калининградского социума — его «особости» — позволила судить кластерная типология респондентов на основании ценностных критериев. Было выделено четыре основных типа калининградцев. Два из них — «активные индивидуалисты» и «условные коллективисты» — в совокупности составляют чуть более половины населения и значительно различаются по своему возрастному и социальному составу. Выявленные различия хорошо объясняются теорией ценностного «сдвига», происходящего по мере смены поколений и роста уровня благосостояния общества. Универсальность данной закономерности не позволяет рассматривать эти две группы как специфически калининградские социальные типы. Наличие двух других социально значимых групп — «циников» и «оппортунистов» — детерминировано локальным средовым контекстом и воздействием конкретной социальной ситуации. Среди первых преобладает молодежь, живущая в населенных пунктах, отмеченных экономической стагнацией и депрессивностью, среди вторых — люди, вынужденные постоянно соизмерять свое поведение с политическим и социально-нормативным контекстом, избегая последствий нарушения сложившегося порядка. Эти две группы также достаточно представительны (чуть меньше половины населения), но и их трудно назвать специфически калининградскими, определяющими отличительность регионального социума. На чем же тогда основано устойчивое представление о калининградцах как уникальной

для российского контекста общности, близкой своим европейским соседям?

Как показали фокус-группы, эта уверенность базируется, с одной стороны, на выхолащивании представлений о россиянах и лишении их образа смыслов, пригодных для самоидентификации, а с другой — на сильном упрощении образа европейцев, сведении его к отдельным признакам, которые калининградцы обнаруживают у себя. По сути, представление об особости калининградского социума выполняет компенсаторные функции, смягчая фрустрацию, вызванную расхождением между высокой значимостью ценностей самоутверждения и недостатком возможностей достигнуть желаемых целей как на индивидуальном, так и социальном уровне. Сравнение себя с другими, неизбежное при частых трансграничных контактах, способствовало усилению этого дисбаланса, оставляя мало шансов для формирования позитивной калининградской идентичности. Один из самых советских по самосознанию населения регионов стал наиболее нигилистическим, отрицающим ценность всего советского. Нарратив «советского варварства» логично дополнил идею региона как «похищенной Европы». При этом, идентифицируя себя с европейцами, калининградцы прекрасно осознают, что их европейские визави — поляки и литовцы — не разделяют их мнения и с высокой степенью вероятности видят в них тех самых «россиян» в ушанках и с ружьями. Похоже, что именно проявления культурно-политического остракизма в отношении россиян как способа самоутверждения, а не трансграничные и кросс-культурных контакты сближают жителей Калининградской области, Польши и Литвы. Все три региона переживают сходную посткоммунистическую реальность, отмеченную жадной потреблением, стремлением к индивидуализму, деградацией социальных функций государства и необходимостью выживать «по одиночке». Цементирующей субстанцией в разъединяющих обстоятельствах становится стигматизация других и подчеркивание собственной «особости». В роли этих «других» во всех трех регионах выступают абстрактные и расчеловеченные россияне, примитивизация которых выполняет важные дискурсивные функции, компенсируя неудовлетворенность собственной жизнью.

Выражение благодарности

Авторы выражают благодарность РФФИ за финансовую поддержку в сборе и анализе эмпирических данных (грант № 20-05-00697). Теоретическая часть исследования выполнялась в рамках темы Гос. задания ИГ РАН АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008). Мы также признательны коллегам А.Г. Левинсону (НИУ «ВШЭ»), А.О. Земцову (НИУ «ВШЭ») и А.В. Ше-

лудкову (ИГ РАН, НИУ «ВШЭ») за их ценные советы и помощь в работе с социологическими данными.

Литература

Алимпиева А.В. (2014) Социальная идентичность в условиях культурно-многообразия: поиск или навязывание? (на примере Калининградской области). *Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: филология, педагогика, психология*, 11: 60–66.

Андрейчук Н.В., Гаврилина Л.М. (2011) *Феномен калининградской региональной субкультуры (социально-философский и культурологический анализ)*. Калининград: Изд. РГУ им. И. Канта.

Артоболевский С.С. (2009) Калининградская область: уникальный регион и типичный центр. *Балтийский регион*, 2(2): 115–128.

Вендина О.И., Гриценко А.А., Зотова М.В., Зиновьев А.С. (2021) Идентичность калининградцев: влияние социальных убеждений на выбор самоидентификации. *Известия РАН. Серия географическая*, 85(4): 565–578.

Вендина О.И., Зиновьев А.С. (2022) Пограничность и периферийность: к вопросу о контексте формирования калининградской идентичности. *Мир России*, 31(2): 118–143.

Воронин Г.Л. (2010) Еще раз о «Кластерах на факторах». *Социологический журнал*, 3: 21–34.

Гаврилина Л.М. (2013) «Калининградский текст» как репрезентация региональной идентичности. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*, 5: 88–99.

Галицкая Е.Г., Галицкий Е.Б. (2006) Кластеры на факторах. Как избежать распространенных ошибок. *Социология 4М*, 22: 145–161.

Гества К. (2018) Советский человек. История одного собирательного понятия. *Вестник общественного мнения*, 126(1–2): 53–76.

Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю. (2017) *Молодежь в городах Калининградской области*. М.: ИЭА РАН. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 260).

Гудков Л.Д. (2004) *Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов*. М.: НЛО.

Гудков Л.Д. (2009) Условия воспроизводства советского человека. *Вестник общественного мнения*, 2: 8–37.

Гуреев С.В. (2007) Анализ рисунков в социологических исследованиях. *Социологические исследования*, 10: 132–139.

Задорин И.В. (2018) Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости». *Полития*, 89(2): 102–136.

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство.

Инглхарт Р. (2018) *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. М.: Мысль.

Калашников К.Н., Будилов А.П. (2019) Контуры социокультурной самобытности жителей Калининградской области. *Эпоха науки*, 20: 513–519.

Клемешев А.П., Федоров Г.М., Алимбиева (2003) *Калининградский социум: проблемы консолидации и стратификации*. Калининград: Изд. КГУ. (Регион сотрудничества. Вып. 2(20).

Костяшов Ю.В. (1996) Заселение Калининградской области после Второй мировой войны. *Гуманитарная наука в России. Т. 2*. М.: 82–87.

Костяшов Ю.В. (ред.) (2018) *Восточная Пруссия глазами советских переселенцев*. Калининград: Калининградская книга.

Кузнецов И.М. (2017) Ценностные ориентиры и социально-политические установки россиян. *Социологические исследования*, 1: 47–55.

Латова Н.В. (2016) Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда). *Вестник Института социологии*, 19: 155–179.

Левада Ю.А. (ред.) (1993) *Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х*. М.: Мир; Океан.

Левада Ю.А. (1995) «Человек советский» пять лет спустя: 1989–1994 (предварительные итоги сравнительного исследования). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1: 9–14.

Левада Ю.А., Шанин Т. (ред.) (2005) *Отцы и дети: поколенческий анализ современной России*. М.: НЛО.

Левинсон А.Г. (2009) Фокус-группы и открытые групповые дискуссии как методы, используемые в прикладных исследованиях. Штейнберг И. (ред.) *Качественные методы. Полевые социологические исследования*. СПб.: Алетей: 217–254.

Магун В.С., Руднев М.Г. (2021) За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии. Рогов К. (ред.) *Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя*. М.: НЛО: 325–353.

Магун В., Руднев М. (2008) Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, 93(1): 33–58.

Малинова О.Ю. (2014) В ожидании объединяющего нарратива: Символическое измерение постсоветской трансформации России. Малинова О.Ю. (ред.) *Символическая политика: Сб. науч. труд. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего*. М.: ИНИОН РАН: 344–353.

Мартынова М.Ю. (2014) Калининградцы: геополитические вызовы и региональная субкультура. *Геополитический журнал*, 3: 2–20.

Мартынова М.Ю., Гурко А.В., Верещагина-Гурко А.В., Григорьева Р.А., Зимовина Е.П., Зыкина О.А., Кляус М.П., Ракова Л.В. (2022) *На границе со странами Евросоюза: жизненные стратегии молодежи Калининградской и Гродненской областей*. М.: ИЭА РАН.

- Парсонс Т. (1998) *Система современных обществ*. М.: Аспект Пресс.
- Парсонс Т. (2002) *О социальных системах*. М.: Академический проект.
- Пилясов А.Н. (2004) Калининградская область — препятствия и предпосылки для перехода к модели экспортноориентированной экономики. *Регион сотрудничества*, 16(41): 34–54.
- Пипия К. (2020) *Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении*. М.: Левада-центр.
- Радаев В.В. (2018) Прощай, советский простой человек! *Общественные науки и современность*, 3: 51–65.
- Радаев В.В. (2019) *Миллениалы. Как меняется российское общество*. М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Смородинская Н.В. (2001) Калининград в условиях объединения Европы: вызов и ответ. *Вопросы экономики*, 11: 106–127.
- Титков А.С. (2019) Призрак советского человека. *Социология власти*, 31(4): 53–94.
- Федоров Г.М. (2010) Калининградская дилемма: «Коридор развития» или «Двойная периферия»? Геополитический фактор развития российского эксклава на Балтике. *Балтийский регион*, 4(2): 5–15.
- Фоломеева Т.В. (2003) Использование проективных методик для повышения эффективности фокус-групп. *Социология 4М*, 17: 83–108.
- Халявин А. (2016) Метод фокус-группы и ролевая игра: потенциал и ограничения в исследовании социально чувствительных проблем. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 8(1): 107–119.
- Хархордин О. (2002) *Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности*. СПб.: Изд. Европейского университета.
- ЦИРКОН (2017) Российский фронт: гражданская идентичность на передовом рубеже страны [http://www.zircon.ru/upload/iblock/76c/Rossiiskij_frontir_Analiticheskij_otchet.pdf] (дата обращения: 20.06.2023).
- Шахов В.А. (2017) Калининградский эксклав: социокультурная парадигма «русского острова» Юго-Восточной Балтии. *Культура и цивилизация*, 7(4): 774–783.
- Юдин Г.Б. (2007) «Кластеры на факторах»: pro et contra. *Социологические методы в современной исследовательской практике*. М.: ГУ-ВШЭ: 296–302.
- Юрчак А. (2021) *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: НЛО.
- Bardi A., Schwartz S.H. (2003) Values and behavior: Strength and structure of relations. *Pers. Soc. Psychol. Bull.*, 29: 1207–1220.
- Beugelsdijk S., Welzel Ch. (2018) Dimensions and dynamics of national culture: Synthesizing Hofstede with Inglehart. *J. Cross. Cult. Psychol.*, 49(10): 1469–1505.
- Bock H.H. (1987) On the interface between cluster analysis, principal component analysis, and multi-dimensional scaling. In: Bozdogan H., Gupta A.K. (eds) *Multivariate Statistical Modeling and Data Analysis. Vol. 8 of Theory and Decision*. Dordrecht: Springer-Verlag: 17–34.

Davidov E., Schmidt P., Schwartz S.H. (2008) Bringing values back In: The adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries. *Public Opin. Q.*, 72(3): 420–445.

Fischer R., Schwartz S. (2011) Whence differences in value priorities? Individual, cultural, or artifactual sources. *J. Cross. Cult. Psychol.*, 42(7): 1127–1144.

Fischer R., Vaclair C.-M., Fontaine J.R., Schwartz S.H. (2010) Are individual-level and country-level value structure different? Testing Hofstede's legacy with the Schwartz Value Survey. *J. Cross. Cult. Psychol.*, 41(2): 135–151.

Hofstede G., Hofstede G.J. (2005) *Cultures and organizations: software of the mind*. N.Y.: McGraw-Hill.

Hofstede G. (1980) *Cultural's consequences*. Beverly Hills, CA: Sage.

Inglehart R. (1997) *Modernization and Postmodernization: cultural, economic and political change in 43 societies*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.

Kristiansen C.M., Hotte A.M. (1996) Morality and the self: Implications for when and how of value-attitude-behavior relations. In: Seligman C., Olson J.M., Zanna M.P. (eds.) *The psychology of values: The Ontario symposium*. Vol. 8. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.: 77–106.

Lindeman M., Verkasalo M. (2005) Measuring values with the short Schwartz's value survey. *J. Pers. Assess.*, 85(2): 1469–1482.

Markos A., D'Enza A.I., van de Velden M. (2019) Beyond Tandem Analysis: Joint Dimension Reduction and Clustering in R. *J. Stat. Softw.*, 91(10): 1–24.

McClelland D.C. (1985) *Human motivation*. Glenview, IL: Scott, Foresman.

Nazir A., Enz S., Lim M.Y., Aylett R., Cawsey A. (2009) Culture-personality based affective model. *AI Soc.*, 24(3): 281–293.

Revelle W., Garner K.M. (2023) Measurement: Reliability, construct validation, and scale construction. In: Reis H.T., West T., Judd Ch.M. (eds.) *Handbook of Research Methods in Social and Personality Psychology*. N.Y.: CUP.

Rohan M.J. (2000) A rose by any name? The values construct. *Pers. Soc. Psychol.*, 4: 255–277.

Rokeach M. (1973) *The nature of human values*. N.Y.: Free Press.

Rokeach M. (1979) *Understanding human values, individual and societal*. N.Y.: Free Press.

Sagiv L., Schwartz S.H. (2022) Personal values across cultures. *Annu. Rev. Psychol.*, 73: 517–546.

Schwartz S.H. (1992) Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In: Zanna M. (ed.) *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25. San Diego: Acad. Press: 1–65.

Schwartz S.H. (1994) Are there universal aspects in the structure and contents of human values? *J. Soc. Issues*, 50(4): 19–46.

Schwartz S.H. (1996) Value priorities and behavior: Applying a theory of integrated value system. In: Seligman C., Olson J.M., Zanna M.P. (eds) *The psychology of values: The Ontario symposium*. Vol. 8. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.: 1–24.

Schwartz S.H. (1999) A Theory of cultural values and some implications for work. *Appl. Psychol.-Int. Rev.*, 48(1): 23–47.

Schwartz S.H. (2011) Values: culture and individual. In: van de Vijver F.J., Chasiotis A., Breugelmans S.M. (eds.) *Fundamental questions in cross-cultural psychology*. Cambridge: CUP: 463–493.

Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S. (2001) Extending the cross-validity of the theory of basic human values with the different method of measurement. *J. Cross. Cult. Psychol.*, 32(5): 519–542.

Stewart D.W., Shamdasani P.N., Rook D.W. (2009) Group depth interviews: Focus groups. In: Bickman L., Rog D.J. (eds.) *The Sage Handbook of Applied Social Research Methods*. Los Angeles: Sage Publ.: 589–616.

Welzel C. (2013) *Freedom rising: Human empowerment and the quest for emancipation*. N.Y.: CUP.

Zubok V. (2009) *Zhivago's children. The last Russian intelligentsia*. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press.

KALININGRADERS: A PARTICULAR SOCIETY AND ITS LIFE PRINCIPLES

Olga Vendina (vendina@igras.ru)

Anton Gritsenko (antgritsenko@igras.ru)

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Citation: Vendina O.I., Gritsenko A.A. (2023) Kaliningradtsy: «osoby» sotsium i yego zhiznennyye printsipy [Kaliningraders: a particular society and its life principles]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(4): 63–106 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.4.3>. EDN: XITDVH

Abstract. The article attempts to critically rethink the ideas about Kaliningrad society as a “special” sociocultural phenomenon, which has emerged under the influence of the region’s exclave position, its neighborhood with the EU countries, and the population’s active cross-border contacts. Relying on the cultural-value paradigm and mixed methods of social research: the Schwartz portrait value questionnaire, focus groups and structured interviews, the authors offer a typology of the Kaliningrad region population depending on the value perceptions and behavioral patterns shared by people. It is shown that the peculiarities of the system of values of Kaliningrad residents are determined not so much by specific geopolitical location and the influence of European countries as by intergenerational differences, the local environmental context, and the Soviet legacy. Particular attention in the article is paid to comparing the portrait of Kaliningraders, obtained based on Schwartz questionnaire data, and their self-representation, as well

as the role of images of Russians and Europeans in the formation of ideas about themselves and their own self-esteem. The authors conclude about the complexity and internal contradictions of the Kaliningrad society, united by the idea of “specialness,” but divided by the erosion of socio-normative perceptions, focus on personal interests, personal frustration, and social barriers, connected with the unevenness of territorial development and the deficit of resources of self-actualization. The hypothesis of cross-border influences finds only partial support, reflecting the multidirectional social processes affecting the region.

Keywords: Kaliningrad region, Schwartz portrait value questionnaire, behavioral attitudes, typology, intergenerational shift, self-representation, local context.

Acknowledgements

The authors are grateful to the Russian Foundation for Basic Research for financial support in the collection and analysis of empirical data (grant no. 20-05-00697). The theoretical part of the study was carried out within the framework of the State Assignment of the Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, no. AAAA-A19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008). We are also thankful to our colleagues A.G. Levinson (HSE), A.O. Zemtsov (HSE) and A.V. Sheludkov (IG RAS, HSE) for their valuable advice and help with the survey data.

References

- Alimpiyeva A.V. (2014) Sotsial'naya identichnost' v usloviyakh kul'turnogo mnogoobraziya: poisk ili navyazyvaniye? (na primere Kaliningradskoy oblasti) [Social identity in the conditions of cultural diversity: search or imposition? (Case study of the Kaliningrad oblast)]. *Vestnik BFU im. I. Kanta. Seriya: filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Herald of I. Kant Baltic Federal University. Series: philology, pedagogy, psychology], 11: 60–66 (in Russian).
- Andreychuk N.V., Gavrilina L.M. (2011) *Fenomen kaliningradskoy regional'noy subkul'tury (sotsial'no-filosofskiy i kul'turologicheskiy analiz)* [The phenomenon of Kaliningrad regional subculture (socio-philosophical and cultural analysis). Kaliningrad: RGU im. I. Kanta Publ. (in Russian).
- Artobolevskiy S.S. (2009) Kaliningradskaya oblast': unikal'nyy region i tipichnyy tsentr [Kaliningrad oblast: a unique region and a typical center]. *Baltiyskiy region* [Baltic region], 2(2): 115–128 (in Russian).
- Bardi A., Schwartz S.H. (2003) Values and behavior: Strength and structure of relations. *Pers. Soc. Psychol. Bull.*, 29: 1207–1220.
- Beugelsdijk S., Welzel Ch. (2018) Dimensions and dynamics of national culture: Synthesizing Hofstede with Inglehart. *J. Cross. Cult. Psychol.*, 49(10): 1469–1505.
- Bock H.H. (1987) On the interface between cluster analysis, principal component analysis, and multi-dimensional scaling. In: Bozdogan H., Gupta A.K. (eds) *Multivariate Statistical Modeling and Data Analysis. Vol. 8 of Theory and Decision*. Dordrecht: Springer-Verlag: 17–34.
- Davidov E., Schmidt P., Schwartz S.H. (2008) Bringing values back In: The adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries. *Public Opin. Q.*, 72(3): 420–445.

Fedorov G.M. (2010) Kaliningradskaya dilemma: «Koridor razvitiya» ili «Dvoynaya periferiya»? Geopoliticheskiy faktor razvitiya rossiyskogo eksklava na Baltike [The Kaliningrad dilemma: “development corridor” or “double periphery”? The geopolitical factor in the development of the Russian exclave on the Baltic Sea]. *Baltiyskiy region* [Baltic region], 4(2): 5–15 (in Russian).

Fischer R., Schwartz S. (2011) Whence differences in value priorities? Individual, cultural, or artifactual sources. *J. Cross. Cult. Psychol.*, 42(7): 1127–1144.

Fischer R., Vauclair C.-M., Fontaine J.R., Schwartz S.H. (2010) Are individual-level and country-level value structure different? Testing Hofstede’s legacy with the Schwartz Value Survey. *J. Cross. Cult. Psychol.*, 41(2): 135–151.

Folomeyeva T.V. (2003) Ispol’zovaniye proyektivnykh metodik dlya povysheniya effektivnosti fokus-grupp [Using projective techniques to enhance the effectiveness of focus groups]. *Sotsiologiya 4M* [Sociology 4M], 17: 83–108 (in Russian).

Gavrilina L.M. (2013) “Kaliningradskiy tekst” kak reprezentatsiya regional’noy identichnosti [“Kaliningrad text” as a representation of regional identity]. *Labirint. Zhurnal sotsial’no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of social and humanitarian research], 5: 88–99 (in Russian).

Galitskaya Ye.G., Galitskiy Ye.B. (2006) Klastery na faktorakh. Kak izbezhat’ rasprostranennykh oshibok [Clusters on factors. How to avoid common mistakes]. *Sotsiologiya 4M* [Sociology 4M], 22: 145–161 (in Russian).

Gestva K. (2018) Sovetskiy chelovek. Istoriya odnogo sobirate’nogo ponyatiya [Soviet man. A history of one collective concept]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Public Opinion Bulletin], 126(1–2): 53–76 (in Russian).

Grigor’yeva R.A., Martynova M.Yu. (2017) *Molodozh’ v gorodakh Kaliningradskoy oblasti: Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii*. Vyp. 260 [Youth in the cities of the Kaliningrad oblast: Studies in Applied and Urgent Ethnology. Vol. 260]. Moscow: IEA RAN (in Russian).

Gudkov L.D. (2004) *Negativnaya identichnost’. Stat’i 1997–2002 godov* [Negative identity. Articles 1997–2002]. Moscow: NLO (in Russian).

Gudkov L.D. (2009) Usloviya vosproizvodstva sovetskogo cheloveka [Conditions for the reproduction of the Soviet man]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Public opinion bulletin], 2: 8–37 (in Russian).

Gureyev S.V. (2007) Analiz risunkov v sotsiologicheskikh issledovaniyakh [Drawing analysis in sociological research]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 10: 132–139 (in Russian).

Hofstede G., Hofstede G.J. (2005) *Cultures and organizations: software of the mind*. New York: McGraw-Hill.

Hofstede G. (1980) *Cultural’s consequences*. Beverly Hills, CA: Sage.

Inglehart R. (1997) *Modernization and Postmodernization: cultural, economic and political change in 43 societies*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.

Inglehart R., Welzel Ch. (2005) *Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence*. Cambridge: CUP.

Inglehart R. (2018) *Cultural evolution: People’s motivations are changing, and reshaping the world*. Cambridge: CUP.

Kalashnikov K.N., Budilov A.P. (2019) Kontury sotsiokul'turnoy samobytnosti zhiteley Kaliningradskoy oblasti [The contours of the socio-cultural identity of the residents of the Kaliningrad oblast]. *Epokha nauki* [The age of science], 20: 513–519 (in Russian).

Khalyavin A. (2016) Metod fokus-gruppy i rolevaya igra: potentsial i ogranicheniya v issledovanii sotsial'no chuvstvitel'nykh problem [Focus group method and role play: potential and limitations of socially sensitive problem research]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Russian review of social research], 8(1): 107–119 (in Russian).

Kharkhordin O. (2002) *Oblichat' i litsemerit': genealogiya rossiysskoy lichnosti* [To denounce and hypocrisy: genealogy of the Russian personality]. St. Petersburg: Yevropeyskiy universitet Publ. (in Russian).

Klemeshev A.P., Fedorov G.M., Alimpiyeva (2003) *Kaliningradskiy sotsium: problemy konsolidatsii i stratifikatsii*: Region sotrudnichestva. Vyp. 2(20) [Kaliningrad socium: Problems of consolidation and stratification. Region of Cooperation. Vol. 2(20)]. Kaliningrad: KGU Publ. (in Russian).

Kostyashov Yu.V. (1996) Zaseleniye Kaliningradskoy oblasti posle Vtoroy mirovoy voyny [Settlement of the Kaliningrad oblast after World War II]. In: *Gumanitarnaya nauka v Rossii. T. 2* [Humanitarian Science in Russia. Vol. 2]. Moscow: 82–87 (in Russian).

Kostyashov Yu.V. (2018) *Vostochnaya Prussiya glazami sovetskikh pereselentsev* [East Prussia through the eyes of Soviet immigrants]. Kaliningrad: Kaliningradskaya kniga (in Russian).

Kristiansen C.M., Hotte A.M. (1996) Morality and the self: Implications for when and how of value-attitude-behavior relations. In: Seligman C., Olson J.M., Zanna M.P. (eds.) *The psychology of values: The Ontario symposium. Vol. 8*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.: 77–106.

Kuznetsov I.M. (2017) Tsennostnyye oriyentiry i sotsial'no-politicheskiye ustanovki rossiyan [Value orientations and socio-political attitudes of Russians]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 1: 47–55 (in Russian).

Latova N.V. (2016) Kul'turnaya spetsifika rossiyan (etnometricheskyy analiz na osnove kontseptsii G. Hofsteda) [Cultural specificity of the Russians (ethnometric analysis based on H. Hofstede's Concept)]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 19: 155–179 (in Russian).

Levada Yu.A. (1993) *Sovetskiy prostoy chelovek: Opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh* [The Soviet common man: experience of a social portrait at the turn of the 90s]. Moscow: Mir; Okean (in Russian).

Levada Yu.A. (1995) “Chelovek sovetskiy” pyat' let spustya: 1989–1994 (predvaritel'nyye itogi sravnitel'nogo issledovaniya) [“The Soviet man” five years later: 1989–1994 (preliminary results of a comparative study)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social change], 1: 9–14 (in Russian).

Levada Yu.A., Shanin T. (2005) *Ottsy i deti: pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii* [Parents and children: a generational analysis of contemporary Russia]. Moscow: NLO (in Russian).

Levinson A.G. (2009) Fokus-gruppy i otkrytyye grupповые diskussii kak metody, ispol'zuyemye v prikladnykh issledovaniyakh [Focus groups and open group discussions as methods used in applied research]. In: Shteynberg I. (ed.) *Kachestvennyye metody. Polevyye sotsiologicheskiye issledovaniya* [Qualitative methods. Field sociological research]. St. Petersburg: Aleteyya: 217–254 (in Russian).

Lindeman M., Verkasalo M. (2005) Measuring values with the short Schwartz's value survey. *J. Pers. Assess.*, 85(2): 1469–1482.

Magun V.S., Rudnev M.G. (2021) Za predelami “cheloveka sovetского”: rossiyane v yevropeyskoy tsennostnoy tipologii [Beyond the “Soviet man”: Russians in the European value typology]. In: Rogov K. (ed.) *Demontazh kommunizma. Tridtsat' let spustya* [The dismantling of communism. Thirty years later]. Moscow: NLO: 325–353 (in Russian).

Magun V., Rudnev M. (2008) Zhiznennyye tsennosti rossiyskogo naseleniya: skhodstva i otlichiya v sravnenii s drugimi yevropeyskimi stranami [Life values of the Russian population: similarities and differences compared to other European countries]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions], 93(1): 33–58 (in Russian).

Malinova O.Yu. (2014) V ozhidanii ob'yedinyayushchego narrativa: Simvolicheskoye izmereniye postsovet'skoy transformatsii Rossii [In expectation of a unifying narrative: the symbolic dimension of Russia's post-Soviet transformation]. In: Malinova O.Yu. (ed.) *Simvolicheskaya politika: Sb. nauch. trud. Vyp. 2: Spory o proshlom kak proyektirovaniye budushchego* [Symbolic politics: collected works. Vol. 2: Disputes of the past as a projection of the future]. Moscow: INION RAN: 344–353 (in Russian).

Markos A., D'Enza A.I., van de Velden M. (2019) Beyond Tandem Analysis: Joint Dimension Reduction and Clustering in *R. J. Stat. Softw.*, 91(10): 1–24.

Martynova M.Yu. (2014) Kaliningradtsy: geopoliticheskiye vyzovy i regional'naya subkul'tura [Kaliningraders: geopolitical challenges and regional subculture]. *Geopoliticheskyy zhurnal* [Geopolitical journal], 3: 2–20 (in Russian).

Martynova M.Yu., Gurko A.V., Vereshchagina-Gurko A.V., Grigor'yeva R.A., Zimovina Ye.P., Zykina O.A., Klyaus M.P., Rakova L.V. (2022) *Na granitse so stranami Yevrosoyuza: zhiznennyye strategii molodezhi Kaliningradskoy i Grodnenskoy oblastey* [On the border with the EU: life strategies of the youth in the Kaliningrad and Grodno regions]. Moscow: IEA RAN (in Russian).

McClelland D.C. (1985) *Human motivation*. Glenview, IL: Scott, Foresman.

Nazir A., Enz S., Lim M.Y., Aylett R., Cawsey A. (2009) Culture-personality based affective model. *AI Soc.*, 24(3): 281–293.

Parsons T. (1971) *The system of modern societies*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.

Parsons T. (1991) *The social system*. 2nd ed. New York: Routledge.

Pilyasov A.N. (2004) Kaliningradskaya oblast' — prepyatstviya i predposylki dlya perekhoda k modeli eksportooriyentirovannoy ekonomiki [Kaliningrad oblast — obstacles and prerequisites for transition to the model of export-oriented economy]. In: *Region sotrudnichestva. Vyp. 16(41)* [Region of cooperation. Vol. 16(41)]. Kaliningrad: KGU Publ.: 34–54 (in Russian).

Pipiya K. (2020) *Struktura i vosproizvodstvo pamyati o Sovetskom Soyuze v rossiyskom obshchestvennom mnenii* [The structure and reproduction of memory of the Soviet Union in Russian public opinion]. Moscow: Levada-tsentr (in Russian).

Radayev V.V. (2018) Proshchay, sovetskiy prostoy chelovek! [Farewell, Soviet common man!] *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 3: 51–65 (in Russian).

Radayev V.V. (2019) *Millenialy. Kak menyayetsya rossiyskoye obshchestvo* [Millennials. How Russian society is changing]. Moscow: ID GU-VSHE (in Russian).

Revelle W., Garner K.M. (2023) Measurement: Reliability, construct validation, and scale construction. In: Reis H.T., Wesrt T., Judd Ch.M. (eds). *Handbook of Research Methods in Social and Personality Psychology*. New York: CUP.

Rohan M.J. (2000) A rose by any name? The values construct. *Pers. Soc. Psychol.*, 4: 255–277.

Rokeach M. (1973) *The nature of human values*. New York: Free Press.

Rokeach M. (1979) *Understanding human values, individual and societal*. New York: Free Press.

Sagiv L., Schwartz S.H. (2022) Personal values across cultures. *Annu. Rev. Psychol.*, 73: 517–546.

Schwartz S.H. (1992) Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In: Zanna M. (ed.) *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25. San Diego: Acad. Press: 1–65.

Schwartz S.H. (1994) Are there universal aspects in the structure and contents of human values? *J. Soc. Issues*, 50(4): 19–46.

Schwartz S.H. (1996) Value priorities and behavior: Applying a theory of integrated value system. In: Seligman C., Olson J.M., Zanna M.P. (eds) *The psychology of values: The Ontario symposium*. Vol. 8. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.: 1–24.

Schwartz S.H. (1999) A Theory of cultural values and some implications for work. *Appl. Psychol.-Int. Rev.*, 48(1): 23–47.

Schwartz S.H. (2011) Values: culture and individual. In: van de Vijver F.J., Chasiotis A., Breugelmans S.M. (eds) *Fundamental questions in cross-cultural psychology*. Cambridge: CUP: 463–493.

Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S. (2001) Extending the cross-validity of the theory of basic human values with the different method of measurement. *J. Cross. Cult. Psychol.*, 32(5): 519–542.

Shakhov V.A. (2017) Kaliningradskiy eksklav: sotsiokul'turnaya paradigma “russkogo ostrova” Yugo-Vostochnoy Baltii [Kaliningrad exclave: the socio-cultural paradigm of a “Russian island” in South-Eastern Baltics]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7(4): 774–783 (in Russian).

Smorodinskaya N.V. (2001) Kaliningrad v usloviyakh ob'yedineniya Yevropy: vyzov i otvet [Kaliningrad under the conditions of European unification: challenge and response]. *Voprosy ekonomiki* [Economic questions], 11: 106–127 (in Russian).

Stewart D.W., Shamdasani P.N., Rook D.W. (2009) Group depth interviews: Focus groups. In: Bickman L., Rog D.J. (eds) *The Sage Handbook of Applied Social Research Methods*. Los Angeles: Sage Publ.: 589–616.

Titkov A.S. (2019) Prizrak sovetskogo cheloveka [The ghost of the Soviet man]. *Sotsiologiya vlasti* [The sociology of power], 31(4): 53–94 (in Russian).

TSIRKON (2017) Rossiyskiy frontir: grazhdanskaya identichnost' na peredovom rubezhe strany [The Russian frontier: civic identity at the frontline of the country] [<http://>

www.zircon.ru/upload/iblock/76c/Rossijskij_frontir_Analitcheskij_otchet.pdf] (accessed: 20.06.2023) (in Russian).

Vendina O.I., Gritsenko A.A., Zotova M.V., Zinov'yev A.S. (2021) Identity of Kaliningraders: influence of social beliefs on the choice of self-identification. *Reg. Res. Russ.*, 11(4): 533–542.

Vendina O.I., Zinov'yev A.S. (2022) Pogranichnost' i periferiynost': k voprosu o kontekste formirovaniya kaliningradskoy identichnosti [Borderland and peripherality: discussing the contexts of identity shaping of the Kaliningrad region inhabitants]. *Mir Rossii* [World of Russia], 31(2): 118–143 (in Russian).

Voronin G.L. (2010) Yeshche raz o “Klasterakh na faktorakh” [Once again about “Clusters on Factors”]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 3: 21–34 (in Russian).

Welzel C. (2013) *Freedom rising: Human empowerment and the quest for emancipation*. N.Y.: CUP.

Yudin G.B. (2007) “Klastery na faktorakh”: pro et contra [“Clusters on factors”: pro et contra]. In: *Sotsiologicheskiye metody v sovremennoy issledovatel'skoy praktike* [Sociological methods in modern research practice]. Moscow: GU-VSHE: 296–302 (in Russian).

Yurchak A. (2021) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Posledneye sovetskoye pokoleniye* [It was forever, until it ended. The last Soviet generation]. Moscow: NLO (in Russian).

Zadorin I.V. (2018) Regiony “rubezha”: territorial'naya identichnost' i vospriyatiye “osobosti” [Regions of the “frontier”: Territorial identity and the perception of “specialness”]. *Politiya* [Politika], 89(2): 102–136 (in Russian).

Zubok V. (2009) *Zhivago's children. The last Russian intelligentsia*. Cambridge (Mass.), London: Harvard Univ. Press.